

О ВЕНЦЕ ВОИНА

Tertulliani De corona militis

[© Перевод Р. Ю. Ткаченко, 2014 г.]

I

[1] Недавно произошло следующее: явлена была щедрость превосходнейших императоров,^[1] и в честь этого солдат в казармах отмечали лавровыми венками. Призван к этому был и некий в большей степени Божий солдат, оказавшийся более стойким, чем его братья. Он предположил, что [если наденет на голову этот венок, то] может стать служителем двух господ, и единственный из всех [остался] с непокрытой головой, держа бесполезный венец в руке. Таким образом через само это деяние публично проявилось то, что он является христианином. [2] В итоге, только за один этот [поступок] его стали изобличать, насмехаясь над ним за глаза (на расстоянии) и гневно бросаясь на него в лицо. Слух дошёл до трибуна, и [этот человек] немедленно по приказу явился к нему (*jam ex ordine decesserat*). Тогда трибун немедленно задал ему вопрос: «Почему у тебя несоответствующий внешний вид?» Ведь он отказался надеть венок вместе с другими. И поскольку у него настоятельно требовали объяснения, он ответил: «Я — христианин». О славный в Господе воин! Последовавшее голосование [постановило] передать рассмотрение дела и самого обвиняемого префектам. [3] Сам же он, как акт торжественного снятия бремени, отложил свой тяжелейший плащ, снял неудобнейшие воен-

---

^[1] Скорее всего, имеется в виду *donativum* — периодически вручаемый воинам денежный подарок (от цезаря).

ные сапоги, становясь босиком на святую землю, и меч, не нужный для защиты Господнего [наследия], вернул (Мф 26:52), венок же выпал из его руки. И теперь он, обagrённый надеждой [пролить] свою кровь, обутий в готовность нести Евангелие, препоясанный острейшим Словом Божьим, полностью вооружённый по Апостольскому слову (Еф 6:11) и стремящийся облечься в иной венок — белую одежду мученика, — ожидает в тюрьме щедрый подарок Христа (*donativum Christi*).

[4] С того момента начали распространяться о нём разные слухи (не знаю, от христиан ли, ведь и язычникам это не чуждо) как о своенравном, не-удержимом, спешащем умереть, потому что, когда его спросили о внешнем виде, он поставил в неприятное положение имя [христиан]: он [повёл себя, как будто он] один, надо думать, такой храбрый — единственный христианин среди столь многих братьев, являющихся для него сослуживцами. Ведь более чем ясно, что те, кто с презрением отвергли пророчества Духа Святого, хотят избежать мученичества. [5] Они ворчат, что столь долгий и благоприятный для них мир^[2] подвергся опасности. Без сомнения, некоторые из них отворачиваются от Писания, собирают свои пожитки и готовятся бежать из города в город; ведь больше ничего из Евангелия они не помнят. Их пасторов я тоже знаю: во время мира они — львы, а в сражении — олени. Однако вопросы [публичных] исповеданий веры мы обсудим в другом месте. [6] Сейчас же — поскольку некоторыми выдвигается следующее возражение: «Где же нам запрещается надевать венки?» — я возьмусь скорее за суть этого вопроса, чтобы наставить тех, кто спрашивают так по причине обыкновенного незнания, и обличить тех, кто стремится таким образом предложить оправдание своему проступку (особенно же самих венценосных христиан, для которых всё это — просто вопрос для обсуждения, как будто это или не проступок вовсе, или проступок, но неточно определённый (*incertum delictum*), о котором стоит ещё подискутировать. Между тем, я покажу, что [данное действие нельзя считать] ни невинным, ни неопределённым (*nec nullum autem nec incertum*).

II

[1] Я утверждаю, что никто из верных не носил на голове венка, разве что во время подобных испытаний. Все соблюдают этот [принцип]: от катехуменов до исповедников и мучеников или же так называемых «отрицателей» (*negatores*). Рассмотрите же, откуда появился этот [пользующийся] авторитетом обычай, о котором сейчас задаётся множество вопросов. Более того, когда спрашивается, почему это [правило] следует соблюдать, не подлежит сомнению тот факт, что на данный момент оно кем-то соблюдается. Поэтому такой проступок не может считаться либо не проступком вовсе, либо поступком неопределённой [моральной ценности], который совершают против соблюдения [принципа, правомерность] которого можно защитить уже на основании его репутации и достаточной авторитетности, основанной на его единодушном принятии. [2] Ясно, что нужно задаться вопросом

^[2] В смысле: безопасное и спокойное время.

о причине появления такой практики, однако лишь при условии её продолжающегося соблюдения, не ради её уничтожения, а скорее ради её укрепления (1 Кор 13:10). Тогда ты сможешь более усердно ей следовать, когда наконец удовлетворишь [свой интерес] и выяснишь причины её возникновения. Как же так получается, что вопрос о соблюдении некоего правила поднимает тот, кто уклонился от его соблюдения? А теперь он пытается понять, откуда появилось это правило, после того, как от него отошёл? И если он желает, чтобы о нём думали, что он ставит под вопрос [определённую практику] для того, чтобы показать, что он не совершил проступка, отказавшись от этой практики, то всё же он совершил проступок по причине следования этой практике до того. [3] Если даже он не согрешил, надев сегодня венки, он согрешил, когда раньше отказывался от него. И поэтому данный трактат написан не для тех, к кому этот вопрос [уже никак] не относится, а для тех, кто, усердно изучая эту тему, не ставят её под вопрос, а ищут совета. Ведь действительно всегда задаются вопросы о таких вещах, и я хвалю веру, которая уверовала в то, что следует соблюдать, прежде чем изучила это (Ис. 7:9). [4] И легко сразу же задаться вопросом: где написано, что мы не должны носить венки. Но где написано, что нам следует их носить? Усиленно ища у Писания покровительства и объяснения различных проблем, некоторые считают заранее предрешённым, что Писание должно поддержать именно их точку зрения. Ведь если говорится, что позволительно надевать венки по той причине, что Писание этого не воспрещает, точно так же можно использовать это обоснование для доказательства противной точки зрения (*aeque retorquetur ideo*): непозволительно христианам надевать венки, потому что Писание этого не предписывает. Итак, что же делать с точки зрения строгого и стройного учения (*disciplina*)? принять обе позиции, словно ни одна из них не воспрещается? или отвергнуть обе позиции, словно ни одна из них не предписывается к исполнению? Но ведь то, что не запрещено, полностью разрешено. Однако вернее сказать: то, что не полностью разрешено, запрещено.

III

[1] Так до каких пор мы будем взад и вперёд ходить по этой извилистой тропе, имея укоренённую в древности практику, которая была заранее определена? Если она и не установлена никаким текстом Писания, она точно подкреплена обычаем, который без сомнения проистекает из предания (*de traditione*). Ведь как можно применять что-либо, если оно не было прежде передано (*traditum*)? Но ты говоришь: «Если даже что-то совершается под благовидным предлогом предания, следует разобраться, стоит ли за этим авторитет Писания».^[3] [2] Поэтому давайте исследуем: [верно ли, что] не следует принимать предания, кроме того, что было записано? Разумеется, мы откажемся принимать его, если не существует прецедентов, когда бы мы без какого-либо свидетельства Писания, а лишь на основании имени «предание», что-либо приняли и впоследствии хранили под предлогом

^[3] Букв. «записанный авторитет» (лат. *auctoritas scripta*).

имеющегося обычая. А вообще, [уже] когда мы подходим к крещальной купели, но немногим ранее, в Церкви под руководством предстоятеля мы публично утверждаем, что отрекаемся дьявола, его блистательных речей и его ангелов. [3] Затем, будучи трижды погружены в воду, ещё яснее отвечаем [предстоятелю] словами, которые Господь определил в Евангелии. Когда нас выводят [из купели], как поднимают новорожденных, мы вкушаем немного смеси молока и мёда с водой и, начиная с этого дня, на протяжении целой недели воздерживаемся от ежедневного омовения. Таинство Евхаристии, которое Господь повелел всем совершать во время принятия пищи, принимаем исключительно из рук предстоятелей (*praesidentium*). Ежегодно мы творим добровольные приношения за умерших в день их рождения.^[4] [4] В День же Господень [т.е. воскресенье] считаем неприемлемым поститься или молиться на коленях. Этой же свободой мы также наслаждаемся в период с Дня Пасхи до Пятидесятницы. Однако мы переживаем и с трудом переносим, когда капля из нашей чаши или крошка нашего хлеба падает на землю. При всяком успехе и продвижении вперёд, при всяком входе и выходе, когда мы одеваемся и обуваемся, перед купаниями и перед приёмами пищи, зажигая ли светильники, отходя ли ко сну, садясь ли или принимаясь за какое-либо дело, мы осеняем своё чело крестным знаменем (*signaculo terimus*).

IV

[1] Если потребуешь обосновать Писанием эти и другие подобные им учения, никакого [такого основания] ты не найдешь: в качестве их основания тебе приведут предание как их создателя (*auctrix*), обычай как их поручителя (*confirmatrix*) и веру как их хранительницу (*observatrix*). Причину появления и обоснование предания, обычая, и веры ты либо сам постигнешь, либо узнаешь от того, кто уже её постиг. Между тем, ты уверуешь, что этой причине должно подчиниться. [2] К этому я ещё добавлю один пример, [который показывает, что] насколько согласуется такой взгляд с мнением/учением древних, о которых мы учим. У иудеев традиционно принято, чтобы женщины покрывали голову, так что именно по этому признаку их узнают. Я задаю вопрос о законном основании [для такой практики]. Мнение апостола (1 Кор 11:5) я не учитываю. Если Ребекка, увидев вдали своего жениха, набросила своё покрывало (Быт. 24:65), [то её] личная стыдливость^[5] не может служить основанием для закона или обоснованием такого поведения – [а именно того, что] исключительно девушки покрывают [свои лица], и то, когда они собираются выходить замуж, но не раньше того момента, когда они узнают, кто будет их женихом. [3] Ведь если и Сусанна, которой пришлось снять покрывало на суде (Дан. 13:31-32),^[6] служит наглядным доказательством практики покрытия [лица], я могу сказать: такое покрытие [лица] было делом добровольным. Ведь она пришла на суд в роли

^[4] Или: в тот день, в который они скончались.

^[5] Также: скромность, благопристойность.

^[6] Данный текст не включен в Синодальный перевод канонических книг Библии, так как он относится к второканоническим (или неканоническим) книгам.

обвиняемой, краснея от [павшего] на неё позора и — по справедливости или уже из-за страха кому-либо понравиться — прикрывая свою миловидность. Но я точно не считаю, что когда она прогуливалась по усадьбе^[7] своего мужа, она ходила с покрытым лицом, потому что ей это нравилось.

Если же предположить, что она всегда ходила с покрытым лицом, то в таком случае (или в любом другом) я хочу найти закон о внешнем виде.

[4] Если же я не обнаруживаю нигде такого закона, то отсюда следует, что предание превратило в обычай этот нравственный устой, чтобы обрести когда-нибудь [одобрение или подтверждение со стороны] апостольского авторитета на основании толкования доводов разума.

Итак, на основании этих примеров становится ясно, что можно обосновать^[8] неписанное предание, находящееся в употреблении, которые подтверждается обычаем как достойным свидетелем в пользу приемлемости данного предания, а также длительным его соблюдением. [5] Ведь даже в политических делах (*in civilibus rebus*) обычай заменяет закон, когда не существует закона [в отношении исследуемого случая]: и неважно, взят ли он из Писания или устанавливается разумом, поскольку разум поощряет закон. Если же, в свою очередь, закон твёрдо держится на разуме, то всё, что определено разумом, будет теперь считаться законом, кто бы его не выдвинул. Считаешь ли ты, что всякому верующему позволено составлять и утверждать [законы] в той мере, в которой они бы соответствовали тому, что [угодно] Богу, были бы полезны для наставления, способствовали бы спасению, как говорит Господь: «Почему же вы и по самим себе не судите, что справедливо?» (Лук. 12:57)?^[9] [6] Причём [это применимо] не только в сфере судопроизводства, но и в отношении всякого суждения о любых исследуемых нами вещах. Ведь и апостол говорит: «Если же вы чего-то не знаете, то и это Бог вам откроет» (Фил. 3:15).^[10] Он и сам имел обыкновение давать свои рекомендации, когда в его распоряжении не было прямого повеления от Господа, и что-то предлагать от себя, поскольку он сам имел Святого Духа как наставника всякой истины. Поэтому его советы и предписания приобрели статус божественных повелений по причине [данного ему] покровительства Божьей мудрости.^[11]

[7] А теперь потребуй объяснения, с точки зрения всё того же предания, кто же произвёл [то или иное предписание]; прими во внимание не автора, а авторитет, и прежде всего авторитет самого обычая. По этой-то причине его и надо чтить, без нужды в истолковании причины его появления, чтобы, если даже Бог тебе даст [понимание этой причины], ты стремился понять не то, нужно ли тебе следовать данному обычаю, а то, почему [тебе нужно это делать].

^[7] Букв. «по стадию супруга» (лат. *in stadio*). Стадий — это или мера длины или стадион как место для состязаний. В данном контексте речь идёт о личном саде, площадке или усадьбе мужа Сусанны.

^[8] Букв. «защитить» (лат. *defendi*).

^[9] Перевод еп. Кассиана, соответствующий латиноязычной цитате Тертуллиана.

^[10] Перевод по латинскому тексту, приведённому Тертуллианом.

^[11] Букв. «Божьего разума» (лат. *rationis divinae*).

[1] Но аргумент в пользу христианских практик становится ещё более мощным, если его поддерживает сама природа [вещей], которая для всех является наипервейшей наукой. И поэтому она первая, кто предписывает, что не подобает главе носить венки. Полагаю же, что господином природы является наш Бог, который образовал человека для того, чтобы он наслаждался плодами творения, выносил о них суждения и постигал их, дал и расположил в [определённом] порядке внутри него надежные чувства, некоторым образом [функционирующие] посредством соответствующих орудий, заложенных в его органах. Слух он вложил в уши, зрением озарил глаза, чувство вкуса заключил во рту, обоняние возбудил через ноздри, способность чувствовать прикосновение поместил в руках. [2] Посредством этих «слуг» внешнего человека, которые верно служат человеку внутреннему, [ощущение] наслаждения Божьими дарами доходит от органов чувств, до души. Итак, что же за наслаждение дарят цветы? (Ведь, собственно, сущность и, конечно же, красота венков заключается не в чём ином, как в полевых цветах.) Либо аромат, — ты скажешь, — либо цвет, либо и то, и другое в равной степени. Какие чувства [отвечают за восприятие] цвета и аромата? Я думаю, зрение и обоняние. Какие органы распределяют эти чувства? Глаза, если я не ошибаюсь, и ноздри. Следовательно, пользуйся [и наслаждайся] цветами с помощью зрения и обоняния; используй при этом глаза и ноздри, которые являются органами данных чувств. [Твоя] сущность дана тебе Богом, а стиль одежды (*habitus*) — нравами твоей эпохи. [3] Однако никакой необычной внешний вид не препятствует продолжению обычного употребления [чего-либо]. Так пусть же будут для тебя цветы — и связанные друг с другом или сплетённые, и в [обрамлении] ткани или камыша, и свободные, в смысле никак не связанные, — предметом созерцания и наслаждения запахом.^[12] Считай пучок цветов венком, если они образуют сплетённую вереницу, [будучи соединены друг с другом,] чтобы ты мог нести их сразу и много, и чтобы всеми в равной степени мог наслаждаться. Поставь их в сосуд, если они так изящны; укрась ими своё ложе, если они так уж нежны; доверь их своей чаше для питья, если они так безвредны — столькими способами наслаждайся ими, сколько у тебя [органов] чувств. [4] Однако, что это за изысканный вкус — носить цветы на голове? В чём смысл венка?^[13] Разве что только в [том, что он служит] перевязью. Ведь при таком [использовании цветов] ни цвет их не различишь, ни аромат не ощутишь, ни их нежность не подчеркнёшь. Так [становится ясно, что] это против природы — голове гоняться за венком, как и ушам — есть, а ноздрям — производить звук. Всё же, что противно природе, заслуживает считаться чем-то чудовищным среди всех [людей]. Для нас же это поистине

[12] Букв. «неким зрелищем и отдушиной» (лат. *spectaculi et spiraculi res*).

[13] Здесь Тертуллиан играет словами: его вопрос: *quis coronae sensus?* звучит одновременно и как вопрос о смысле ношения цветов на голове, и как отсылка к *органам чувств* человека или *ощущениям*, которые должны были бы возникнуть при ношении венка из цветов, т.к. все эти явления могут обозначаться латинским словом *sensus*.

равносильно обвинению^[14] в святотатстве против Бога, Господина и Создателя природы.

VI

[1] Итак, ты ищешь Божьего закона? У тебя есть всеобщий закон, доступный всем в мире, [записанный] на скрижалях природы, на которые по своему обыкновению ссылается и апостол, когда говорит о женском покрытии головы: «И не сама ли природа нас учит?» (1 Кор 11:14) Также и когда пишет римлянам (Рим 2:14) о том, что язычники естественным образом^[15] делают то, что предписывает закон: он соединяет друг с другом и природный закон (*legem naturalem*), и «законодательную» природу (*naturam legalem*).

Но и в первой главе того же послания, когда он утверждает, что мужчины и женщины уклонились от естественного употребления творения и заменили его неестественным в [соответствующее им] воздаяние по причине вины, он особенно защищает [понятие] природного употребления вещей.

[2] Самого Бога мы сперва познаем через природу, и называя Его Богом богов, и предполагая, что Он благ, и призывая Его в качестве Судьи.

Ты стараешься узнать, а не должна ли природа указывать нам путь к наслаждению творением, чтобы нас не увело в том направлении, в каком Божий соперник [увёл и] при участии самого человека испортил весь сотворённый мир (*universam conditionem*), переданный во владение человека для определённых видов его использования? Ведь из этого состояния его [т.е. творение], как говорит апостол, против своей воли низвергли и заставили подпасть под власть суеты: сперва с помощью бессмысленного его употребления, а затем и для отвратительных, противозаконных и нечестивых дел. [3] Так, вследствие этого, и во время развлечений [вроде народных] зрелищ, творение (*conditio*) бесславится теми, кто всё же со своей стороны естественным образом чувствуют, что всё, из чего сделаны материалы для этих зрелищ, [сотворено] Богом. Но им недостаёт знания и понимания также и того, что всё испорчено дьяволом. Однако, что касается вопроса о наших любителях зрелищ, его мы детально разъяснили в нашей работе, написанной также и по-гречески.^[16]

VII

[1] Так пусть же эти сплетатели венков всё же признают авторитет природы, именуемый здравым смыслом (*communis sapientiae*), благодаря которому люди — а это есть несомненный признак подлинной набожности^[17] — чтут почти непосредственно Бога природы. А кроме того (и как бы сверх этого), пусть они внимательно рассмотрят также и другие причины, кото-

^[14] Здесь стоит слово *elogium*, что значит или «краткое изречение», или «надпись на надгробных памятниках», или «юридический документ» вроде обвинительного протокола, завещания, решения о лишении наследства и др. Тертуллиан использует данный термин именно в последнем смысле.

^[15] Букв. «по природе» (лат. *natura*).

^[16] Здесь скорее всего идёт отсылка на работу «О зрелищах» (*De spectaculis*).

^[17] Также возможен перевод: «их собственной религии» (лат. *propriae religionis*).

рые частным образом нам, а по сути всем, воспевают возложение венков на голову. [2] Ведь нас заставляют отойти от единения с учением природы, хотя мы храним верность всем особенностям христианского учения, которое нам должно защищать, также посредством прочих видов венков, которые, кажется, используются для других целей, будучи и сделаны из других материалов. Что не [значит], что раз уж они сделаны не из цветов, чье использование [для венков] подсказано природой (как в случае с этим воинским венком), то их использование не подпадает под запрет нашего специфического учения (*sectae*), потому что выходит за пределы предписаний природы. Следовательно, я вижу, что необходимо провести ещё более детальное и более ясное [исследование] этого вопроса от истоков до окончательного развития и возникнувших отклонений. [3] Для этого дела нужно обратиться к литературным произведениям язычников, так как для рассмотрения языческих [понятий] необходимо пользоваться их собственными материалами. И сколь мало я ни соприкоснулся с ними, полагаю, что этого достаточно.

Если действительно существовала некая Пандора, которую Гесиод упоминает, как самую первую женщину, именно на её голову Грации^[18] впервые возложили венок. И поскольку её одарили все [боги], она и [получила это имя] – Пандора^[19]. Но на самом деле Моисей, пастырь и пророк, а не поэт, описывает для нас, как самая первая женщина Ева скорее была готова опоясать свои интимные места^[20] листьями, чем свою голову цветами. А, значит, не было никакой Пандоры. Но уже по причине этой выдумки, как и по причине стоящей за ней истинной информации [следует заключить, что само] происхождение венков постыдно. [4] Конечно, не подлежит сомнению, что всё же были некие (греки), которые являлись либо создателями венков, либо их популяризаторами.^[21] Ферекид называет Сатурна первой венценосной особой, а Диодор [рассказывает о том, как] после победы над титанами [был увенчан] Юпитер. Тот же автор награждает лентами Приапа, а Ариадну – золотой гирляндой с индийскими самоцветами, которая была творением Вулкана и подарком Вакха, а позже стала созвездием. На Юнону виноградную лозу [в качестве венка] возложил Каллимах. Таким же образом и в Аргосе её изваяние, обвитое побегами винограда и с львиной шкурой, положенной ей под ноги, выставляет её в образе мачехи, насмехающейся над доспехами обоих её убитых пасынков. Геркулес предпочитает носить [венки то из листьев] тополя, то – дикой маслины, а то – сельдерея. [5] Имеется у тебя и трагедия Цербера, и Пиндар, и Каллимах, который упоминает, что Аполлон, убив Дельфийского дракона, надел лавровый венок, чтобы помолиться, так как у древних был обычай надевать

^[18] Хариты (*Charites*) или Грации (*Gratiae*) – три богини красоты, дочери Юпитера и Эвриномы, спутницы Венеры.

^[19] Имя «Пандора» (греч. и лат. Pandora) буквально значит «всем одарённая».

^[20] Букв. «срамные места» или «половые органы» (лат. *pubenda*).

^[21] Букв. «освещающими», «дающими свет» или «придающими блеск или сияние», т.е. теми людьми, которые освещали эту тему или прославляли венки (лат. *illuminatores*).

венок для молитвы. Гарпократион старательно приводит доказательства того, что Вакх, называемый египтянами Осирисом, носил венец из плюща, потому что по своей природе плющ защищает головной мозг от сонливости. Но и в другом смысле Вакха, конечно, [следует считать] создателем лаврового венка: в нём он праздновал свою победу над индийцами, что признаёт даже простонародье, когда называет день ежегодных празднеств в его честь [днём] великого венца (*Magnam Coronam*). [6] Если же ты откроешь труды Льва Египетского, [то узнаешь, что] Исида первой придумала носить колоски на голове, хотя они больше подходят для желудка. Ищущим большего [объёма информации] всё покажет наиболее выдающийся толкователь в том числе и этих вопросов Клавдий Сатурнин. [7] Дело в том, что у него есть книга, посвящённая венкам: в ней он достаточно подробно объясняет и их происхождение, и причины их появления, и их виды, и связанные с ними формальности. Так что ты не найдёшь никаких прелестных цветов, никакой очаровательной зелени, никакого куска дёрна или побега виноградной лозы, который не был бы посвящён чьей-нибудь голове. Таким образом, нам предоставлено достаточно доказательств того, насколько неприемлемым для нас мы должны считать указание надеть на голову венки, которое изначально было отдано теми, кого языческий мир считает богами, и в чью честь отдаёт такие распоряжения.

[8] Если же дьявол, лжец от начала, совершает свой обман идолопоклонства даже под таким видом, то без сомнения он заранее приготовил и то, с помощью чего он вводит других в этот обман. Итак, как может существовать среди людей, принадлежащих истинному Богу, то, что распространяется посредством прислужников дьявола, которым всё это и было изначально посвящено, и что уже тогда регулярно посвящалось делу идолопоклонства с участием идолов, причём идолов всё ещё живых?^[22] Не то, чтобы идол был чем-то [реальным], но из-за того, что то, что совершается ради идолов, служит демонам. [9] В свою очередь, если то, что делается по отношению к идолам, служит демонам, насколько больше [им служило] то, что идола сами себе делали, когда ещё были живы?^[23] Разумеется, демоны позаботились о себе с помощью тех, внутри кого они [обитали и] испытывали голод, до того, как позаботились [о его утолении].

VIII

[1] Держи в уме этот вывод, пока я детально рассмотрю [ещё один] вопрос. Потому что я уже слышу, как некоторые говорят о том, что и много других вещей изобрели те, кого мир почитает богами. В конце концов с их использованием можно столкнуться и в наше время, и во [времена] древних свя-

^[22] Здесь под живыми идолами Тертуллиан подразумевает тех *древних героев*, которые стали считаться *богами*, и которые, как предполагается, когда-то реально существовали. Это уже упоминавшиеся выше Геркулес (Геракл), Юнона, Вакх и др. Не вполне понятно, были ли они людьми или демонами во плоти, но, по убеждению Тертуллиана, они уже при жизни в некотором смысле служили дьяволу и поощряли идолопоклонничество среди людей.

^[23] В частности, те предметы, которые они делали для себя, включая венки.

тых, и для служения Богу (*in Dei rebus*), и в [жизни] самого Христа, который, будучи человеком, действовал никак иначе, как с помощью обычных принятых у людей орудий. Конечно, пусть будет так — я не буду настолько детально обсуждать происхождение [всех этих предметов]. [2] Первым, кто объяснил, как нужно пользоваться буквами, был Меркурий; я соглашусь, что они необходимы и для торговли, и для нашего дела исследования всего того, что касается Бога. Но даже если он и первым натянул струны, чтобы извлечь с их помощью звуки, я, слушая Давида, не буду отрицать, что и эта его остроумная выдумка была полезна святым и служила Богу.

Первым [различные] целебные средства опробовал Эскулапий^[24]; но и Исаия упоминает, как назначил Езекии некое лекарство, когда тот был болен (Ис 38:21), а Павел знает, что небольшое количество вина полезно для пищеварения (1 Тим 5:23). Да и Минерва первой построила корабль; а я вижу, как и Иона (Ион 1:3), и апостолы (Лук 8:2) плавают по морю.

[3] Более того, и Христос одевался, и у Павла был дорожный плащ (2 Тим 4:13). И если изобретателем каждого предмета домашнего обихода и всякого отдельно взятого сосуда ты называешь кого-то из богов этого мира, я признаю, что Христос неизбежно ложился на кровать, и подносил таз, чтобы омыть ноги ученикам (Ин 13:5), и из кувшина лил воду, и при этом Он опоясался льняным полотенцем, то есть собственным одеянием Осириса. [4] На такой вопрос я всегда отвечаю так: допускаю, что что-то из этих предметов обихода [регулярно используется и нами], но призываю [рассматривать] это через призму разграничения всего на вещи разумные [т.е. рационально обоснованные] и неразумные [т.е. не обоснованные рационально, нерациональные], потому что беспорядочное мышление вводит в заблуждение, покрывая тенью имеющуюся испорченность творения, которое подпало под власть суетности (Рим 8:28). [5] Мы же говорим, что только тогда эти предметы годны для того, чтоб мы, как и наши предшественники, их употребляли для служения Богу или ради самого Христа, когда они служат к обеспечению нужд человека, представляя для него действительную пользу, несомненную помощь и достойную, благопристойную отраду, поскольку они даны [людям] по вдохновению самого Бога, который является и первейшим Промыслителем (*prospectore*), и Устроителем (*instructore*), и, можно даже сказать, Дарителем радости (*oblectatore*) для созданного Им человека. Что же выходит за рамки такого принципа употребления, не подходит для нас — в особенности то, что по этой причине нельзя обнаружить ни в мире, ни в практике служения Богу, ни в образе жизни Христа.

IX

[1] Одним словом, кто из патриархов, кто из пророков или какой левит, священник или правитель, а в более поздние времена какой апостол или благовестник, или епископ носил венок? Я полагаю, что ни сам Божий

^[24] Или: Асклепий, древний герой, бывший царём и врачом, который позднее отождествлялся с богом врачевания.

храм, ни ковчег завета, ни скиния свидетельства, ни алтарь, ни светильник [не были увенчаны венками], хотя и во время первого торжества по случаю их освящения, и в честь второго радостного дня в честь их восстановления их можно было бы украсить венками, если бы это было достойно Бога (Езд 5:11; 1 Кор. 10). [2] Однако же, если эти предметы были нашими прообразами, — потому что мы суть и храмы, и алтари, и светильники, и сосуды Божьи, — то они также ярко предвозвестили и это: не должно Божьему народу украшаться венками. Образу должна всегда соответствовать истина. Если же ты, быть может, возразишь, что и сам Христос был увенчан венцом, то на это ты услышишь короткий ответ: «Надеть такой венец тебе позволительно». [3] Однако [Божьему] народу не был знаком тот венец оскорбительного бесчестия. Его придумали римские солдаты, переняв это от мирских практик. В народе же Божьем никогда не было такого, чтобы во время государственных торжеств или празднования изобилия выращенных даров, разрешалось [ношение венков]. И из плена Вавилонского они возвращались скорее с тимпанами, свирелями и гусями, чем с венками (Езд 2 и 3); и после еды и питья они вставали играть безо [всяких] венков (Исх 23). [4] Но ведь ни описание торжества, ни сообщение об изобилии не хранило бы молчания о красивом или безобразном венке. Так же и Исаия, говоря (Ис 5:12): «Потому что пьют вино с тимпанами, гусями и свирелями»^[25], добавил бы «с венками», если бы они когда-либо использовались в служении Богу.

Х

[1] Таким образом, когда ты по этому поводу утверждаешь, что выдумки языческих богов, оказывается, используются даже и в Божьих делах (*apud Deum*), чтобы таким образом защитить и общее использование надеваемых на голову венков, ты уже сам для себя установил, что у нас в [христианской] общине не должно употребляться то, чего нельзя найти в [утоявшейся практике] служения Богу. Что может быть настолько недостойно Бога, как то, что достойно идола? И что настолько достойно идола, как не [то, что приличествует разве что] и мертвецу?

[2] В самом деле мёртвым надлежит быть увенчанными, потому что они сами тотчас [после своей смерти] становятся идолами и по внешнему виду^[26], и по причине обряда поклонения им, который с нашей точки зрения является вторым [видом] идолопоклонства. Следовательно, те, кто лишён [здорового] рассудка, будут точно так же пользоваться вещью, которая также лишена рассудка; а если бы им не недоставало рассудка, то они бы желали ею злоупотреблять. В самом деле, не так трудно дойти до злоупотребления, когда истина выходит из употребления, и перестаёт функционировать естественная способность к здоровому размышлению. Кто и чем хочет злоупотребить, когда у него нет того, чем он [привык] пользоваться?^[27]

^[25] Перевод по латинской версии Тертуллиана. Ср. Синодальный перевод: «И цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их...».

^[26] Или: «одеянием», «облачением» (лат. *habitu*).

^[27] В данном отрывке деление предложения следует предложению Миня и обосно-

[3] Нам же по мнению апостола не должно [ничем] злоупотреблять; он учит скорее не пользоваться ничем, кроме того, чем не злоупотребляют те, кто ни о чём не рассуждают. Но всё это бесполезно, и само оно [, т.е. действие, которое мы обсуждаем – традицию ношения венков,] есть также «мёртвое дело», поскольку связано с идолами, и безусловно «дело живое», поскольку связано с демонами, чему способствует имеющееся суеверие. Давид говорит: «А их идолы – серебро и золото... Есть глаза, но не видят... есть у них ноздри, но не обоняют; есть у них руки, но не осязают» (Пс 113:12-15). [4] С помощью этих [органов] следует наслаждаться цветами.

Если же те, кто изготавливает идолов заявят, что в будущем они станут такими же, [как и идолы, которым они поклоняются, то я отвечу, что] таковы уже и есть те, кто пользуются чем-либо украшенным по примеру идолов. «Для чистых всё чисто» (Тит 1:15); так же и нечисто всё для нечистых: ведь нет ничего более нечистого, чем идолы. Впрочем, сущности [вещей] чисты, так как они – творения Божьи, и в этом их состоянии они свободно доступны для пользования ими, но отдельное значение имеет способ их употребления в дело. [5] Ведь и я убиваю петуха для себя, почти как [сделал] Сократ для Эскулапия, и, если мне неприятен запах какого-либо места, зажигаю арабскую смесь, но [делаю это] не по тому же обряду, не в той же одежде и не с той же пышностью, с какими это совершается перед идолами. Ведь если одним только словом творение оскверняется, – как учит апостол: «Но если кто скажет вам: “Это идоложертвенное”, то не прикасайтесь к нему» (1 Кор 10:28)^[28], – то насколько же больше оно позорится, когда ты пляшешь в облачении, согласно обряду и с пышностью, посвящаемыми идолам. Таким же образом и венок предназначен быть посвящённым идолам. [6] Ведь в рамках установленного обряда, с его одеяниями и помпой, он посвящается идолам, своим создателям, которым в высшей степени подходит пользоваться им; и нельзя допускать его общего употребления, так в деле служения Богу [такой практики] не найти. Именно поэтому восклицает апостол: «Убегайте идолослужения!» (1 Кор 10:14), – то есть абсолютно любого, какого бы то ни было [идолослужения].

[7] Представь себе лесную чащу и задумайся, сколько там может скрываться терновых кустов. Ничего не следует давать идолу и точно так же не следует ничего брать у него. Если возлежать в капище чуждо вере, что [тогда значит] предстать перед другими в идольском одеянии? Что общего между Христом и Велиаром? И именно поэтому убегайте [от всего этого]. Апостол призывает нас находиться на большом расстоянии от [всякого] идолослу-

ывається ритмікою і стилістикою пропозиції: замість «*Nulla vero distantia est abutendi, cum veritas cessat utendi : cessante natura sentiendi qua vult, quis abutatur, cum non habeat qua utatur?*» слід читати «*Nulla vero distantia est abutendi, cum veritas cessat utendi, cessante natura sentiendi ; qua vult, quis abutatur, cum non habeat qua utatur?*». При другому прочтенні чітко видно і рифма, і ритмічний рисунок пропозиції, що зовсім логічно, якщо урахувати, що Тертуліан був видаючимся ритором. Це помітно во второй частині фрази: *qua vult, / quis abutatur, / cum non habeat / qua utatur*. Але особливо це стосується першої її частини: *Nulla vero distantia est abutendi, / cum veritas cessat utendi, / cessante natura sentiendi*.

^[28] Перевод по латинской версии Тертуллиана.

жения — ни в коем случае не подходить близко, потому что земной дракон^[29] пожирает своим дыханием даже стоящих на определённом расстоянии людей.

[8] Ещё более глубоко [вникает в вопрос] Иоанн, когда говорит: «Дети! Храните себя от идолов» (1 Ин 5:21), — уже не от идолослужения как обряда, но от самого их изображения. Потому что недостойно тебе как живому образу Божьему становиться образом идольским, образом мертвеца.

И до сих пор мы [занимаемся тем, что] устанавливаем характерные черты самого этого облачения [т.е. венка] на основании изучения его происхождения, и по причине его использования в практике почитания идолов. Кроме того, в то время как он [т.е. венки] не упоминается как [используемый] в практике служения Богу, в гораздо большей степени этот образ предназначен для тех, согласно чьим древним обычаям, торжествам и обрядам его и принято использовать. [9] Ведь на самом деле и сами двери, и сами жертвы, и алтари, и их служители и жрецы надевают венки. В трудах Клавдия [Сатурнина] ты найдёшь описание венков, принятых у всевозможных жреческих содружеств. Но мы добавили [к обсуждению этого вопроса] также разграничение [практик] на обоснованные разумом и нерациональные. Оно было выдвинуто против тех людей, которые защищают возможность участия во всём, что имеет некоторое число прецедентов [т.е. является до некоторой степени общепринятой практикой].

[10] Итак, что касается данной области [обсуждения, нами были] в избытке рассмотрены сами причины плетения венков, так что в то время как мы ясно показываем, что они чужды или, вернее, противны нашему учению, мы могли бы со всей очевидностью доказывать, что [эта практика] не поддерживается никакими разумными доводами, с помощью которых можно было бы обосновать использование этого наряда также и [нашим христианским] сообществом, даже если и есть некоторые [христиане], чей пример ставят нам в упрёк.^[30]

XI

[1] Теперь, перед тем, как приступить к [рассмотрению] причин [использования] солдатских венков, я считаю необходимым тщательно изучить вопрос: подобает ли христианину вообще заниматься военным делом? Каково это вообще: обдумывать второстепенные признаки [какого-либо явления], в то время как первостепенные подлежат осуждению? Разве мы верим, что к богоугодному обещанию позволительно добавлять человеческую присягу на верность^[31] и тем самым слушаться второго господина кроме Христа?

^[29] Или: «змей» / «змий» (лат. *draco*).

^[30] Т.е. христиане, которые надевают и носят эти венки.

^[31] Здесь Тертуллиан играет со словом *sacramentum*, что в обыденной жизни обозначало клятву или обещание, в военной среде значило *обязательство о несении военной службы*, т.е. *воинскую присягу* на верность императору, в юридической среде — *денежный залог*, а в христианской терминологии — *таинство* в широком смысле и *крещальные обеты* в узком. Таким образом, он противопоставляет обещание Богу обещанию человеку, присягу на верность Богу и присягу на верность императору,

А также клятвенно отречься от отца и матери, и всех близких, которых даже закон предписывает чтить и любить во вторую очередь после Бога (Исх 20; Лев 19), и которых даже Евангелие также уважило (Мф 26:11), только Христу воздав бóльшие [почести] (1 Кор 6, 8; Мф 5)?

[2] Допустимо ли вести жизнь меченосца, в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечём, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться^[32]? И [как] он будет ввергать в узы и в тюрьму, пытать и приводить в действия наказания^[33], когда он не [должен] сам мстить за нанесённые ему обиды? [3] Может ли он стоять в карауле и охранять других, больше чем Христа, или делать это в День Господень [т.е. воскресенье], когда он даже для Христа этого не делает? И будет ли бодрствовать перед храмами, от которых отрёкся? И обедать там, где неуютно апостолу (1 Кор. 8:10)? И будет ли защищать по ночам тех [демонов], кого днём изгонял с помощью молитв, и засыпать, опираясь на копьё, которым был пронзён бок Христа (Ин 19:34)? Понесёт ли он также военное знамя, соперничающее с Христовым? И потребует ли приказа^[34] от своего командира тот, кто уже получил его от Бога? Когда же он умрёт, будет ли потревожен трубой горниста тот, кто ожидает, что будет разбужен трубой ангельской? И будет ли предан огню согласно воинскому обычаю [умерший] христианин, тот, кому [и живому] не разрешалось возжигать [жертвоприношения], и ради кого Христос принял на себя огненное наказание? [4] Сколь же много иных обязанностей, связанных с воинской службой, которые можно счесть за правонарушения, следует признать преступлениями (*transgressioni*) [с точки зрения христианина]? Переносить само почётное имя [христианина] из крепости света в крепость тьмы является преступлением. Безусловно, те, кого вера нашла после их вступления в воинское звание, находятся в ином положении, похожем на то, в каком были те [воины], которых Иоанн допускал к крещению (Лук 3:3), и один из наиболее верных сотников^[35], о котором одобрительно отзывается Христос (Мф 8), и которого наставляет в вере Пётр (Деян 10). Но в тоже время после принятия веры и её запечатления [божественной крещальной] печатью следует либо немедленно оставить [военное дело], как многие и сделали, либо [продолжая им дальше заниматься] всеми возможными способами изворачиваться, чтобы не совершить что-либо противное Богу, — то, что не разрешается и за пределами воинской

светское псевдо-тайнство и подлинное божественное тайнство. В его терминологии это звучит как «тайнство человеческое» (лат. *sacramentum humanum*) и «тайнство божественное» (лат. *sacramentum divinum*). И хотя во втором случае слово «sacramentum» в оригинальном тексте опущено, оно при этом безусловно подразумевается.

^[32] Или: «вести тяжбу», «судиться» (лат. *litigare*).

^[33] Также возможен перевод «казнить», т.к. слово *supplicia* (ед.ч. *supplicium*) обозначает как кару или наказание (изгнание, тюремное заключение, депортацию и т.п.), так и высшую меру наказания — смертную казнь (*supplicium ultimum, supplicium summum, supplicium gravissimum*).

^[34] Также возможен перевод «значок в виде боевого знамени», часто в виде орла, «лозунг» или «секретный пароль» (лат. *signum*).

^[35] Т.е. центурионов (лат. *centurionum*) согласно римской военной номенклатуре.

службы, — либо, наконец, стоит ради Бога твёрдо сносить то, что беспристрастно назначила ему языческая вера [в качестве наказания]. [5] Потому что нахождение на военной службе не гарантирует ни ненаказуемости за преступления, ни освобождения от мученичества. никоим образом христианин не меняет своей сущности. Одно Евангелие и один и тот же Иисус, Который отречётся от всякого, кто отречётся [от Него], и Который исповедает всякого, кто исповедует Бога, и Который спасёт душу, отданную за Его имя; и напротив, Он погубит ту [душу], которая была сохранена ради выгоды, но [выступала] против Его имени (Мф 10:39). Для Него воин настолько является верным мирным жителем, насколько мирный житель является верным воином.^[36] [6] Положение веры не допускает никакого принуждения (*necessitates*). Не существует необходимости или принуждения к совершению проступка — существует одна необходимость: не совершать проступков. [Возможно] кто-либо принуждаем под давлением, с помощью пыток или [иных] мучений, к совершению жертвоприношения и непосредственному отречению. Однако [наше] учение не проявляет снисхождения к такого рода принуждению, потому что существует необходимость ещё более могущественная, чем [кажущееся неизбежным] намерение избежать страданий и исполнить долг, — необходимость страшиться отречения и пройти [путь] мученичества.

[7] Как бы то ни было, такого рода отговорка уничтожает саму суть [нашего] таинства тем, что ослабляет узду, сдерживающую от совершения грехов по своей собственной воле. Ведь тогда можно будет поставить в один ряд желание и необходимость, когда, надо полагать, имеется какое-либо принуждение.

В ответ на это я мог бы воспользоваться [аргументами], которые приготовил наперёд и использовал [в рассмотрении] других доводов в пользу обязательного ношения венков как некоего долга, которым наиболее близка по духу апелляция к необходимости. Ввиду этого надлежит либо избегать участия в обрядах, чтобы не впасть в согрешение, либо переносить [тяготы] мученичества, чтоб порвать с этими обрядами. Что касается одной стороны вопроса (о недозволенности военной службы), об этом я не буду больше говорить, так как хочу вернуться к обсуждению другой его стороны. Ведь если я приложу все силы [и полностью] отброшу военное дело [как нечто ненужное], то получится, что я напрасно оспаривал правомерность ношения венков солдатами. Но да не будет так. В лучшем случае считай, что заниматься военным делом позволительно, но только пока не дойдёт до необходимости ношения венка (*licere militiam usque ad causam coronae*).

XII

[1] Но прежде всего скажем кое-что о самом венце. Лавровый венок посвящён Аполлону и Вакху — первому как богу оружия, а второму — как богу триумфальных шествий. Так, Клавдий [Сатурнин] утверждает [2] и расска-

^[36] Те. и мирный житель, «гражданский», и военный человек, воин, равны перед Иисусом. Он готов судить или прощать каждого независимо от их положения или профессии, но на основании оценки их верности Ему.

зывает, что и у воинов есть обыкновение повязывать [на головы] миртовые венки, потому что мирт, а не лавр, [принадлежит] Венере, матери Энея и также возлюбленной Марса, который через Илию^[37] и потомков Ромула является [исконным] римлянином. Но я не верю, что на этом основании Венера — вместе с Марсом — является римлянкой, к несчастью для наложницы.^[38]

Когда же войска увенчивают себя масличными ветвями,^[39] это — идолопоклонство в честь Минервы, также богини оружия, которая, однако, была увенчана [ветвями] этого дерева по случаю заключения мира с Нептуном. В таком [ракурсе] суеверное почитание солдатского плетёного венка — [это практика] полностью порочная и всё порочащая, так как всё [, что сопркасается с этой практикой] уже по этой причине бесчестится.

[3] Обрати внимание на то, как внешне выглядит ежегодное торжественное принесение обетов? Сначала [оно производится] на главных площадках в военных лагерях, а затем — в капитолийских храмах. После упоминания мест [, где они произносятся,] вслушайся в сами слова: «Тебе, Юпитер, торжественно обещаем после сего принести в жертву быка с рогами, украшенными золотом». О чём громогласно говорит это изречение? Однозначно об отрицании [истинного Бога и Иисуса Христа]. Ведь даже если христианин ничего не говорит своими устами, находясь там, его голова, увенчанная венцом, отвечает [на это изречение].

Тот же лавровый венок предписано надевать во время раздачи денежных подарков [, которые иногда даются воинам от имени цезаря, откуда] становится очевидным, что идолопоклонничество не бескорыстно — [4] оно предлагает продать Христа за несколько золотых монет, как Иуда — за несколько серебряных (Мф 26). И тогда получится, что [поскольку написано:] «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24), маммоне протягивают руку, а от Бога отступают? И не получится ли, [поскольку написано:] «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:21), что и человека Богу не посвящают, и у цезаря динарий отбирают? Триумфальный лавровый венок свит из листьев или из трупов? Он украшен лентами (*lemniscis*)^[40] или могильными курганами? Он умощён благовониями или слезами супруг и матерей (возможно даже и некоторых христианок, ведь и среди варваров [исповедуется] Христос)? [5] Разве тот, кто надел на свою голову этот предмет, не обвиняет сам себя?

Однако есть и другой род военной службы — служба при царском дворе (*militia regiarum familiarum*). В самом деле, облагаемые налогом воины,

^[37] Илия (лат. *Ilia*) — это «илианка», т.е. троянка, уроженка Илиона, под которой чаще всего имеется ввиду Рея Сильвия, дочь Нумитора, мать Ромула и Рема и, следовательно, родоначальница народа Рима.

^[38] Т.е. Илии, которая, как верили римляне, была наложницей полюбившего её бога войны Марса.

^[39] Т.е. ветвями оливкового дерева (лат. *cum olea*).

^[40] Возможен перевод «драгоценными металлами» (лат. *lammis*) согласно другим версиям текста.

называются «лагерными»^[41], как и те [из них, кто служит] на цезаревых торжественных церемониях. Но тогда ты, соответственно, — воин и слуга другому: если же ты служишь двоим — Богу и цезарю, — то тогда ты наверняка не являешься [слугой] цезаря, поскольку ты обязан самим собой Богу. А Он, как я полагаю, — выше даже [вопросов и требований] общественной жизни.

XIII

[1] По некоторым политическим причинам людей определённых сословий венчают лавровыми венками, а тех, кто занимает руководящие государственные должности (в магистратах) — золотыми, как [принято] в Афинах, как [делается] в Риме. Но ещё лучше этих — этрусские венки. Так называются венки, украшенные самоцветами и дубовыми листьями, [сделанными] из золота, [посвящённые] Юпитеру, которые вместе с тогами, украшенными изображениями пальм, надевают в честь выезда тенс^[42]. Также существуют и «провинциальные» золотые [венки], для которых требуются не человеческие, а большие головы статуй. Но твоё сословие и магистрат, и само название места собраний — Церковь Христа. Ты принадлежишь Ему, будучи записан в книгу жизни.

[2] Там твоя пурпурная одежда — кровь Господа, а пурпурный кант на тунике — гвоздь Его креста^[43]. Там ликторские топоры [т.е. символ верховной власти в Риме] уже положены у ствола дерева (Мф 3:10). Там ликторский пучок^[44] — отрасль от корня Иессеева [Ис 11:1]. Пусть кони с государственных церемоний со своими венками будут свидетелями: у твоего Господа, когда согласно Писанию (Мф 21) Он намеревался войти в Иерусалим, не было [даже] своего собственного осла. «Иные колесницы, иные коней, а мы имя Господа Бога нашего призовём» (Пс 19:8).^[45]

[3] Согласно Откровению Иоанна, мы призваны выйти из нашего места пребывания, — Вавилона, — не говоря уже о том, что [мы должны удалиться] от их высоких трибун. И простонародье надевает венцы либо по причине ликования в честь успехов правителей, либо по случаю традиционных муниципальных празднеств. И, уж конечно, разнузданность стремится поглотить всякое общенародное торжество.

^[41] Возможен перевод «придворными» или «дворцовыми» от лат. *castrensis* — относящийся (принадлежащий) к лагерю, или относящийся (принадлежащий) к двору императора, т.е. «придворный», «императорский».

^[42] Тенса (лат. *tensa*) — колесница, на которой во время некоторых торжеств перевозились изображения богов (обычно из храмов — в цирк).

^[43] Здесь Тертуллиан играет словами: *clavus* — это и железный гвоздь (лат. *clavus ferreus*), и широкая пурпурная полоса на туниках римских сенаторов (лат. *clavus latus*).

^[44] Здесь Тертуллиан снова играет словами: *virga* — это и ветка, ветвь, побег, и ликторский пучок, т.е. пучок прутьев вокруг топора, находящегося в середине и являющегося знаком достоинства римских магистратов. Его также называли фасцией или фасциями (лат. *fascis, fasces*), и его традиционно носил каждый ликтор, т.е. член свиты высших сановников (консулов, легатов и др.), когда он шествовал перед сопровождаемым им государственным чиновником.

^[45] Перевод по латинской версии Тертуллиана.

[4] Но ты — странник в этом мире и гражданин высшего Иерусалима. Как сказал [апостол Павел], «Наше же жительство — на небесах»^[461] (Фил 3:20). У тебя есть свои собственные списки [статистического учёта], календарь со знаменательными датами. Ничто не связывает тебя с радостями этого мира — напротив, ты призван к противоположным вещам: «Вы восплачете и рыдаете, а мир возрадуется» (Ин 16:20). И, я полагаю, Он говорит, что плачущие — блаженны [т.е. счастливы], а не увенчаны венками (Мф 5:4). Ведь и на свадьбах на жениха и невесту возлагают венцы. Поэтому мы не выдаём [наших девиц] замуж за язычников, чтобы они не ввели нас в идолопоклонство, с которого у них и начинается свадебная церемония. [5] Ведь у тебя есть закон патриархов и апостольское повеление выходить замуж в Господе (1 Кор 7:39).

Также [существует традиция] украшения венками на гражданской [церемонии] дарования свободы (*libertas saecularis*). Но ты уже искуплен Христом, причём дорогой ценой. Каким же образом может мир отпустить на волю чужого раба? Если это и кажется [сейчас] свободой, то [в будущем] она покажется рабством. Всё в этом мире призрачно (*imaginaria*) — нет ничего настоящего (*veri*). Однако ты, будучи искупленным Христом, уже тогда стал свободен от [власти] людей, а сейчас ты являешься рабом Христа, хотя бы и какой-либо человек отпустил бы тебя на свободу.

[6] Если ты считаешь мирскую свободу настоящей, так что подтверждаешь это возложением на себя венка, то ты возвращаешься в рабство к людям (которое ты считаешь свободой) и отказываешься от свободы Христа (которую ты счёл рабством). Разве надо здесь проводить жаркие споры об этих вещах [т.е. о венках], ведь уже их сами названия их осуждают? Ведь они и гнусны, и зловещи! Не хватает только, чтобы в лице христинина украсились венцом и Юпитер Олимпийский^[471], и Геркулес Немейский^[481], и бедный Архемор^[491], и несчастный Антиной^[501]. Тогда он сам (т.е. христианин), станет зрелищем, на которое ему самому не должно смотреть.

[7] По моей оценке, мы уже перечислили все возможные доводы [в пользу ношения венков], и ни один из них для нас неприемлем (*nec ulla nobiscum est*). Все — чужды, нечисты, недозволены; от них [у нас] раз и навсегда торжественно и публично отрекаются во время таинства [крещения]. Потому что они [для нас олицетворяют] пышность, присущую дьяволу и его ангелам: мирские церемонии, почести, празднества (*sollemnitates*), жажда

^[461] Букв. «наша принадлежность к муниципалитету (свободному городу)» или «право гражданства» (лат. *noster municipatus*) — на небесах.

^[471] Римский верховный бог, также отождествляемый с Зевсом Олимпийским.

^[481] Легендарный герой, сын бога Юпитера и женщины Алкмены, совершивший множество великих подвигов.

^[491] Маленький сын Немейского царя Ликурга, чьё настоящее имя было Офельт, но который умер в младенчестве то ли от укуса змеи, то ли от нападения дракона, после чего его посмертно прозвали Архемором, т.е. «прежде умершим» или «предвестником смерти» (лат. *Archemorus*, греч. *Archemoros*).

^[501] Молодой фаворит и постоянный спутник императора Адриана, погибший при невыясненных обстоятельствах в Египте, на Ниле.

народного признания (*popularitates*), лживые обеты, раболепие перед людьми, пустая похвала, позорная слава. И во всём этом — различные виды идолопоклонства, как и в случае смысла ношения венков, который был рассмотрен отдельно. Ведь все эти [перечисленные выше мероприятия и практики] подразумевают повязывание и ношение венков.

[8] Со своей стороны в своём предисловии Клавдий [Сатурнин] говорит, что согласно поэмам Гомера, небо увенчано созвездиями, причём несомненно Богом и несомненно ради человека. Следовательно, и на самого человека возлагать венок должен Бог. Но вместо этого этот мир украшает венками публичные дома, бани, пекарни, тюрьмы, школы, а также амфитеатры, сполиарии^[51] и гробы. Насколько же священен и свят, насколько благороден и чист этот предмет одежды! Не стремись установить его ценность на основании одного поэтического описания неба, а определи это по тому, как он используется во всём мире.

[9] Что же касается христианина, то он не опорочит свою дверь лавровым венцом, если знает, скольких [ложных] богов дьявол необоснованно связывает с этой дверью: Януса [чьё имя происходит от слова *ianua*] — «дверь», Лиментина [чьё имя происходит от слова *limen*] — «порог», Форкула и Карну [чьи имена происходят от слов *fores* и *cardines*] — «половинки дверей» и «дверные петли», а даже принятых у греков «хранителя дверей» Аполлона (*Thyraeum Apollinem*) и демонов Антелиев.

XIV

[1] [Христианину] настолько чуждо взгромождать на свою голову — даже, можно сказать, на самого Христа, так как «всякому мужу глава Христос» (1 Кор 11:3) — предмет, служащий делу идолопоклонничества! Ведь [его голова] столь свободна, сколь и Христос — она не обязана носить никакого покрывала, не говоря уж о повязке. В свою очередь, и голова, обязанная носить покрывало, — т.е. голова женщины, — и тем самым уже покрытая,^[52] также не свободна носить повязку, [потому что] она уже несёт бремя смирения [перед мужем и Христом]. [2] Если она не должна являться перед ангелами с непокрытой головой (1 Кор 11:10), то тем более — с головой, увенчанной венком. (Возможно, что в таком случае венок на её голове вызывает у них возмущение.)

Чем является венок на голове у женщины, если не украшением обольстительницы, знаком полной распущенности, окончательным отрицанием всякой стыдливости, разжиганием соблазна? Поэтому пусть женщина не украшает себя чрезмерно, согласно с предусмотрительным советом апостола, чтобы не водрузить на свои волосы искусно сделанного венца.

^[51] Т.е. помещения в амфитеатрах, в которых добивали тяжело раненых и раздевали убитых гладиаторов (лат. *spoliaria*).

^[52] Здесь Тертуллиан использует двоякое слово *occupatum*, которое может значить как нечто покрытое чем-либо, так и нечто, захваченное кем-либо, т.е. принадлежащее некоему владельцу, а не себе.

[3] Тот же, Кто является и главой мужа, и [настоящей] красотой женщины, — я задаю тебе вопрос, — муж Церкви Христос Иисус, какой венец возложил на Себя ради обоих полов (Мф 27:29)? Думаю, [это был венец] из шипов и колючек тёрна, как образ прегрешений, которые произвела для нас наша земля (*terra carnis*), но которые удалила сила креста, затупив всякое жало смерти терпением Господней главы (*in dominici capitis tolerantia*). По-мимо [того, что он был] образом, это по всей очевидности [инструмент] поношения, позора, унижения и жестокости, которые были в него вплетены.

[4] Неужели он тогда осквернял и терзал Господни виски, чтобы ты теперь использовал лавровые, миртовые и масличные венцы, а также иные «благородные» украшения из листьев и, что более практично, из ста отборных роз из сада Мидаса, обоих сортов лилий, всех видов фиалок, пригодных для венков, и может быть даже драгоценных камней и золота, так чтобы ни в чём не уступить венцу Христа, которого Он был удостоен потом? Но ведь и пчелиных сотов он отведал уже после того, как вкусил жёлчи (Лк 24:42), а небожители прославили его как Царя славы только после того, как Его публично [уничажительно] объявили царём иудейским на кресте. Сначала Он был умалён Отцом [и сделан] немногим ниже ангелов, а затем был увенчан славою и честью (Евр 2:7). За всё это ты своей головой обязан Ему. Так что, если это возможно, отплати Ему соответствующим образом, поскольку Он отдал Свою голову за твою, или не украшай свою голову венком из цветов, если не можешь [принять венок] из шипов, потому что нельзя тебе носить [венец] из цветов.

XV

[1] Служи Богу [так, чтобы] то, что принадлежит Ему осталось незапятнанным (*rem suam intaminatam*). Он Сам, если пожелает, наградит его венцом. Более того, этого Он и желает, и к этому призывает, говоря: «Побеждающему дам венец жизни», так что ты «будь верен до смерти» (Откр 2:7, 10). Ты же хорошо сражайся в бою, наградой в котором будет тот венец, который по заслугам твёрдо надеялся получить апостол [Павел] (2 Тим 4:7-8). И победоносный ангел, выезжающий на белом коне, также принял венец, чтобы победить (Откр 6:2), а другой был украшен дугой радуги [как будто венком из] небесной луговой травы (Откр 10:1). И [двадцать четыре] старца сидят с [золотыми] венцами на головах (Откр 4:4), и точно так же это же золото сияет и на самом Сыне Человеческом, сидящем на облаке (Откр 14:14).

[2] Если таковы образы, [отражённые] в видении, то каков же их истинный вид в реальности? На Него смотри, Его чти. Что ты подвергаешь осуждению свою голову ношением веночка (*strophiole*) или драконтария^[53], когда для неё назначена диадема? Ведь Христос Иисус сделал нас царями для Бога и Отца Своего. Что общего у тебя с цветком, которому надлежит

^[53] Драконтарий (лат. *dracontarium*) — это змеевидное ожерелье или извитая, змеевидная головная повязка.

умереть? У тебя же есть Цветок из корня Иессеева, на Котором покоится вся полнота благодати Божьего Духа, цветок безупречный, неувядающий, вечный. [3] Выбирая Его, хороший воин [о котором мы говорили в самом начале,] успешно продвигается по небесной [военной] иерархии. Краснейте, его сослуживцы! Уже не им вы будете судимы, а неким воином-митраистом^[54]. Когда его посвящали (*initiatur*) [в воины] в пещере, в настоящем мраке казарм, в момент, когда к нему поднесли на мече [воинский] венок и затем возложили ему на голову, он (как бы уподобляясь мученикам, будучи наставлен [о том, как вести себя в такой ситуации], воспротивился и рукой сдёрнул венок с головы, как бы случайно переложив его на плечо и сказав, что его венок — это Митра. [4] И с тех пор он никогда не надевает венок, и это служит ему в качестве знака того, что он прошёл испытание. Когда бы ни попытались испытать его [верность своему] религиозному долгу (*sacramento*), все немедленно поймут, что он — воин Митры, если отбросит венок и при этом скажет, что его венец — в его боге.

Поэтому да уразумеем же мы выдумки дьявола, которые принимают вид некоторых Божьих [творений] для того, чтобы привести нас в замешательство, сбив [с пути] нашей веры, и осудить.

^[54] Т. е. адептом культа Митры (лат. *Mithras*), бога солнца у древних персов, который был достаточно распространён в Римской империи.